

П.С. Романов

Русь. Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р69

Романов П.С.
Р69 Русь. Том I / П.С. Романов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 456 с.

ISBN 978-5-4241-3276-6

Роман-эпопея (часть I–V, 1922 — 1936) рисует усадебную Россию перед 1-й мировой войной, затем войну вплоть до Февральской революции. Стилистически произведение выдержано в традициях русского романа XIX века. П. Романов с высокой художественностью умел подметить жизненные противоречия, немногими словами нарисовать характер. Ему свойственны живой лиризм и юмор, мастерство диалога, реалистический язык.

ISBN 978-5-4241-3276-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.С. Романов, 2021

TOM I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Речь Пантелеймона Романова

Сегодня, в дни гласности и плюрализма, когда большинство наших соотечественников вдруг обнаружило, что можно обойтись без единомыслия, разнообразие точек зрения вовсе не способно разрушить устои государства и литература, хотя и остается идеологическим оружием, но не обладает слишком большой силой, из-за страха перед которой власть имущие должны направить карательную государственную машину против носителей этого оружия, сегодня мы по-иному смотрим на советскую литературную историю, по-иному можем оценить достоинство и мужество тех, кто противостоял массивному давлению вульгарно понятой классовой идеологии пролетариата.

Сегодня мы обнаруживаем одного за другим новых писателей, достойных шагнуть к нам из прошлого, писателей, чье творчество по сей день сохранило свежесть, аромат, вкус, интерес.

В их числе — Пантелеймон Сергеевич Романов.

Судьба его, литературная и человеческая, удивительна и почти уникальна. До революции он публикует лишь несколько небольших произведений, читателю он почти неизвестен, а спустя десять лет после Октября он — автор двенадцатитомного собрания сочинений, нескольких десятков сборников рассказов, романов, пьес. Огромной популярности у читателей сопутствует погромная критика в прессе. К началу 30-х годов Пантелеймон Романов обретает прочную репутацию выразителя интересов классового врага, воинствующего мещанства и т. п.

Достаточно привести несколько примеров из оценок тех лет.

Вот что писал, например, В. Маяковский в стихотворении «Лицо классового врага» в 1928 году:

Миллионм набит карман его,
а не прежним
советским «лимоном».
Он мечтает
узреть Романова...
Не Второго —
а Пантелеймона.
На ложу
в окно
театральных касс
тыкая
ногтем лаковым,
Он
дает
социальный заказ
на «Дни Турбиных» —
Булгаковым.¹

Год спустя заведующий пресс-бюро Агитпропа ЦК КПСС С. Ингулов учинил разгром Романова в статье «Бобчинский на Парнасе»: «Произведения Пантелеймона Романова по линии основных вопросов культуры и быта выражают устремления активизировавшегося мещанства. В то время как другие писатели

осторожно и лениво двигаются проселками, в стороне от крупных бытовых проблем, Романов самонадеянно вылез на столбовую дорогу современности, суетливо поднимает густые клубы пыли и пускает ее в глаза любознательному читателю».²

Главную причину успеха Романова рецензент усмотрел в «ловкости, предприимчивости, оборотливости — в качествах, характерных для нынешнего мещанства».³

Нетрудно понять нынешних историков, когда они в справке о Романове указывают: «Незаконно репрессирован».⁴ Действительно, такой финал напрашивался сам собой. В том, что писатель умер в своей постели, и видится почти уникальность его человеческой судьбы. Зато замалчивание творчества Романова на протяжении полувека после смерти столь закономерно для государства тотального единомыслия, что не вызывает ни удивления, ни впечатления какой-то исключительности. И столь же закономерно возвращение произведений этого талантливого и самобытного писателя нынешним читателям. Без них картина русской литературы XX столетия была бы неполной и однобокой, а наши представления о действительной жизни человека и массы в предреволюционные годы и в первые послереволюционные десятилетия остались бы обедненными.

* * *

Пантелеймон Сергеевич Романов родился 25 июля 1884 года в селе Петровском Одоевского уезда Тульской губернии. Отец его, потомок крепостных, был мелким служащим в Белёвской городской управе. Семья жила бедно. И чтобы дать детям образование, отцу, Сергею Федоровичу, пришлось продать Петровское и купить взамен маленький хутор вблизи деревни Карманье. Здесь и прошло детство будущего писателя. Мальчик вместе с деревенскими ребятами и мужиками косил сено, возил снопы, занимался молотьбой, стерег скотину, караулил пчел. Самым любимым увлечением с ранних лет была рыбная ловля. Вместе со взрослыми он принимал участие в обычных деревенских развлечениях — любил петь и плясать, играл на гармонике. В общем, детские годы его ничем не отличались от жизни других деревенских ребят из семьи небольшого достатка, а сам он ничем не выделялся из среды своих сверстников. Обычные ребячьи интересы и увлечения были характерны и для Романова-гимназиста. Учился он неважно и даже оставался на второй год. Зато мог многие часы посвящать химическим опытам и разработке планов кругосветного путешествия, в которое собирался отправиться с приятелем.

Однако подспудно шла внутренняя работа. Попытки сочинять начинаются лет в десять. Правда, первый роман из английской жизни, начатый «на хуторе, в амбаре на чердаке», был скоро заброшен «из-за недостаточного знакомства с бытом и нравами Англии».⁵ Но, познав радость творчества, создания нового мира, который рождается из твоего сознания, из твоей головы, Романов уже не отступится, не предаст своего призвания. Он много и жадно читает, пытается понять, как, каким образом великие писатели добивались столь поразительного эффекта, что их творения воспринимаешь как живую жизнь. «Я стал читать классиков, — вспоминал писатель, — и увидел, что главным их общим свойством является необычайная живость, ясность и яркость изображения.

Несколько лет я употребил на то, что изо дня в день выписывал особенно

яркие живые места, старался постигнуть закономерность творческого изображения и попутно с этим учился сам выражать словом всё, что останавливало на себе внимание».⁶

Он присматривается к окружающим людям, вслушивается в их слова, задумывается над их поступками. В последних классах гимназии он начинает работать над повестью о детстве, но заканчивает ее лишь через 17 лет — в 1920 году.

В это время складывается писательское кредо Романова, которому он будет следовать всю жизнь: писать об обыденном, обычном, знакомом всем, избегать сугубо личных мотивов, исключительных событий и характеров. В таком понимании своих задач как писателя мы и находим объяснение тематики произведений Романова и выбора им персонажей.

В 1905 году Романов поступает на юридический факультет Московского университета, но вскоре бросает его, чтобы целиком отдаться писательству. Он видит свою задачу в создании «художественной науки о человеке» и понимает, как много еще нужно узнать, сколь многому научиться. Грандиозная цель не пугает, а вдохновляет. «Я нашел себе смысл жизни, нашел счастье жизни, моя жизнь — это непрерывное собиранье, труд, творчество...» — записывает он в дневнике 15 сентября 1905 года.

Он полон идеями и образами и за несколько лет делает наброски многих произведений. Не закончив одного произведения, он записывает сцену из другого, диалог — из третьего...

Параллельно с этюдами, зарисовками, которые впоследствии войдут составными частями в романы и рассказы, Романов в 1906–1907 годы пишет философско-этическое сочинение «Заветы новой жизни». Оно так и осталось в рукописи, но многие его положения определили его писательскую позицию: «Животное живет всегда под властью инстинкта. Человек с веками освобождается от власти инстинкта. Но зато он сам по пути своего освобождения создает инстинкты (суеверия, веры, убеждения, мировоззрения), под тяжестью которых живут целые поколения, часто сознавая нелепость, по не будучи в силах (рабство мысли) от решиться, сбросить то, что ясное, чистое сознание признало негодным для вас.

Освобождайтесь скорее от навязанных инстинктов, чтобы твердо делать то свое, чему не могут научить нанятые учителя».

Вера в свое призвание помогала Романову в трудные годы становления. Первые опубликованные произведения — рассказы «Отец Федор» (1911), этюд «Суд» (1913), повесть «Писатель» (1915) — не принесли ему ни известности, ни материального благополучия. Он был вынужден около полутора лет прослужить конторщиком в банке, правда, деятельность эта позволила писателю изъездить всю Русь.

В первые месяцы после революции Романов заведует внешкольным подотделом в городе Одоеве; тогда же начинает писать небольшие рассказы, которые печатались в газете Горького «Новая жизнь».

Летом 1919 года здесь, в Одоеве, проходит важная для него встреча — он знакомится с приехавшей сюда на отдых балериной Антониной Михайловной Шаломытовой — и глубокой осенью того же года приезжает к ней в Москву, они становятся мужем и женой.

В своих воспоминаниях Шаломытова писала: «Он произвел на меня сразу большое впечатление своей ласковой теплотой и какой-то дружественностью,

точно я была с ним сто лет знакома и ему можно всё открыть и доверить. Такое впечатление он производил всегда в своей жизни, и редко кто не поддавался его личному обаянию».⁷ (Любопытно, что почти такими же словами выразила свое впечатление о встречах с Романовым Анастасия Цветаева.)

* * *

По приезде в Москву Романов приступает к осуществлению замысла, родившегося более десяти лет назад, — пишет первые части эпопеи «Русь».

Идея создания грандиозного труда зародилась у Романова примерно в 1907 году.

«...Мне грезилось, — писал он в автобиографии, — огромное художественное произведение, на которое можно было бы положить всю жизнь. Из этого впоследствии родилась «Русь». И когда я понял, к чему я иду, я стал изучать по книгам и в жизни русского человека, т. е. его прочные, живущие веками черты, которые отличают его, как особую индивидуальность, среди других народов.

Я увидел, что зарождавшиеся у меня типы являются только чертами одного общего характера».⁸

Замысел Романова постепенно выкристаллизовывался, но лишь с победой Октября окончательно оформился — показать русскую народную стихию, все классы и слои общества накануне первой мировой войны во всех проявлениях, как классовых, так и культурных, затем в период войны и революции.

Над этой эпопеей Романов работал всю жизнь и считал ее делом всей жизни. Об этом он неоднократно заявлял в печати, об этом он писал и в своем дневнике.

Впервые о романе «Русь» стало известно после авторского чтения глав в студии имени М. Горького в 1922 году. Вскоре, в 1923–1924 годах, впервые две книги романа вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых, а год спустя выходят уже три части, которые неоднократно переиздавались до 1930 года и составили 10-12-й тома полного собрания сочинений Романова; 4 и 5-я части вышли в 1936 году. Роман так и остался неоконченным, автор довел повествование лишь до начала 1917 года.

Вскоре после первого публичного чтения глав романа в газете «Известия» появилась статья А. В. Луначарского, где он дает высокую оценку произведению: «Вся панорама вместе, в той части, с которой я познакомился, производит необыкновенно широкое и поистине равнинное, настоящее российское впечатление, и отдельные главы романа поднимаются до чрезвычайно высокой художественности».⁹

Однако после выхода первых книг романа в свет мнения критиков разделились. Если одни оценивали его чрезвычайно высоко (Н. Н. Фатов, Е. Ф. Никитина), то другие своими отзывами низвергали до уровня примитивного и бессодержательного чтива.

Критик Г. Горбачев, отмечая многочисленные недостатки романа, вместе с тем пишет: «Русь» своеобразно синтезирует: тургеневскую мягкую лиричность и эмоционально-ласковую окраску изображения природы и психики; усвоенные от Льва Толстого переплетение фабульных линий, детальность психологического анализа, порою жестокого и даже грубоватого натуралистического; гоголевскую манеру утрировать смешное, нелепое, безобразное до почти теряющих правдоподобие размеров».¹⁰

М. Горький в письме к А. А. Демидову 15 мая 1925 года писал: «Русь» Романа написана... изумительно небрежно, особенно — в описаниях, хотя он показывает хорошее мастерство, изображая характеры. Герои у него говорят лучше автора, создателя их».¹¹

Взяв на себя труднейшую задачу — показать цельную картину жизни России перед разразившейся грозой мировой войны, Романов в первых трех частях решил ее по-своему: он показал два основных класса — помещиков и крестьян — в лице нескольких типичных представителей. В общем, это был коллективный портрет, коллективный герой. Е. Ф. Никитина, давшая наиболее полный развернутый разбор романа, его взвешенную и справедливую характеристику, писала: «Патриархальная, лубяная, расхлябанная Русь, провинция с ее застойным укладом и нравами, сонные фигуры обывателей, домовитые мужики, помещики, в старых усадьбах жившие дворянскими гнездами в вишневых садах, наследники Манилова, Обломовы, Тентетниковы, Ноздревы, фигуры из сатир Щедрина, Успенского — зоология царской Руси, доведенная старым строем до тупика, — остро подмечены и зарисованы автором...»

Романов владеет народным языком, знает народную психологию, и потому многие сцены из жизни деревни изображены им так, что читателю кажется, будто многие лица, беседы их зарисованы, взяты прямо с натуры. Психология действующих лиц, близкая к инстинктам животного царства, с их примитивными и стадными побуждениями, верно схвачена Романовым».¹²

Передать хотя бы кратко фабулу вышедших частей романа (около полутора тысяч страниц) невозможно. Одни герои его появляются, потом исчезают, иногда они появляются вновь и как-то начинают действовать, иногда автор их просто упоминает, а порой они просто исчезают со страниц романа, будто их и не было.

Первая часть «Руси», по замыслу Романова, — народная стихия в состоянии покоя, время довоенное; вторая — стихия, взорванная извне, — война; третья — стихия, взорванная изнутри, — Русь во время революции. На деле воплощение, реализация замысла внесли коррективы в первоначальный план: даже в пятой части романа автор едва намечает контуры будущих революционных событий: появившиеся на страницах романа революционеры пока что только печатают прокламации и спасаются от полиции.

Первая часть начинается спокойно, неторопливо, лениво. На фоне весенней природы перед нами предстает жизнь среднерусской деревни. Из обобщенных картин, из опять же обобщенных разговоров мужиков, ведущихся изо дня в день, мы узнаем, как в деревне ведутся разнообразные работы, как здесь справляют праздники, как болеют, лечатся, умирают, как вспыхивают время от времени пожары... Мы видим неорганизованность, косность, бестолковщину в действиях крестьян, их неумение понять истоки невзгод, бедности, нищеты. Крестьяне, привыкшие из поколения в поколение трудиться на барина, ищут источник своих бед в нем; сознавая беспомощность и ничтожество своего барина Митеньки Воейкова, они потихоньку разворовывают его усадьбу, вырубают лес, используют землю, причем делается это всё хищнически, поскольку — не свое. И еще крестьяне думают о хорошей земле. Вот была бы земля хорошая, тогда бы чего только не насажали бы!..

А Митенька Воейков, недоучившийся студент, в собственных мыслях демократ и прогрессивный интеллигент, думающий о благе крестьян, о народе, в

действительности не способен на активные действия, да и не знает, как к ним приступить.

В записной книжке Романов так пишет о Митеньке: «Митенька — образец интеллектуального признания («в принципе» всего самого передового, свободного, разрушительного. Благодаря чему он все обмуслил, и это отравило его ядом пустоты. Потому что для разрушения достаточно сознания, а созидание [возможное] исключительно путем творческого действия, чего у него не было».¹³

Параллельно с жизнью крестьян Романов пишет жизнь дворянских усадеб. Балы, карточные игры, кутежи, охоты, рыбалки, бесконечные разговоры о прогрессе, о призвании России, о русской душе...

Огромное количество персонажей, многочисленные эпизоды-главы (причем каждая глава воспринимается как законченное целое), сочетание остросатирических картин с проникнутыми теплым лиризмом описаниями природы или же переживаний юной девушки, — вот что такое «Русь». В романе множество персонажей-типов, написанных ярко и впечатляюще: кучер Митрофан, Валентин Елагин, помещик, радатель русской души Авенир, настоятельница монастыря Юлия, баронесса Нина Черкасская, кулак Житников и т. д.

Незаметно, исподволь возникает в романе ощущение классовой ненависти крестьян к помещикам, нарастает атмосфера тревоги, неустойчивости...

В общем, Романов, конечно, здесь не был первооткрывателем. Разложение дворянской усадьбы рисовал уже Юрий Слѣзкин в «Помещике Галдине» (1912), а нарастание тревоги и ожидания перемен получили воплощение у Слѣзкина в романе «Ветер» (1917), который затем в переработанном виде стал частью первого тома его эпопеи «Отречение». И Алексей Толстой в «Сестрах» (1921–1922) обращался к этой же эпохе.

Однако деревенская Русь именно у Романова органично сливается с движением истории, без романовских мужиков картина, видимо, была бы совсем иная.

Неоднократные заявления автора о том, что он стремится показать те причины, которые привели к великой революции, не во всем совпадают с его дневниковыми записями, где он замечает, что критика не поняла его замысла, а ключа к нему он дать не хочет. «Русь» полностью не поймет никто. На это нужно несколько существований»,¹⁴ — заносит он в записную книжку после 1922 года. Показательна также такая запись: «У меня в «Руси» нет ни одного имени, ни одного названия, которые указывали бы на реальную Россию. Я инстинктивно сделал это. Национальная эпопея, но я не упоминаю ни о Пушкине (хотя Валентин читал классиков), ни о Волге. «Русь» — это совсем другая планета, чем Россия. И конкретных предметов из России в Русь переносить нельзя. Получится смешение двух враждебных элементов, лирики и арифметики, поэзии и статистики».¹⁵ Итак, Русь — это не Россия, но такая страна, какую создал Романов в своем воображении, а потому-то мы и не должны воспринимать эту эпопею как документальное повествование, а должны согласиться с автором, что это — порождение его фантазии.

Сам писатель придавал чрезвычайное значение своему роману. Но, как мы хорошо знаем из истории, мнение творца о своем творении и мнение публики очень часто совсем не совпадают.

Многие главы «Руси» (это относится к первым трем ее частям; четвертая и пятая части, в которых он пытался в значительной мере сочетать воплощение

своего замысла с удовлетворением идеологических требований официальной критики, более тенденциозны и отличаются некоторым схематизмом, хотя и здесь мы находим немало метких наблюдений, острых и живых страниц) написаны удивительно сочно, ярко, живо. Картины русской природы в разные времена года наполнены такими точными деталями, едва приметными штрихами, одушевлены авторской любовью, что ощущаешь ароматы земли и леса, дуновение легкого ветерка, звуки природы, видишь мягкие переливы красок в разное время суток.

Главы, в которых Романов нарисовал образ Митрофана, слуги молодого помещика Митеньки Воейкова, действительно (как о том писал один из первых популяризаторов творчества Романова профессор Н. Н. Фатов) напоминают лучшие страницы русских классиков XIX века.

Страницы, посвященные организации Общества (должного сплотить лучшие силы губернии), заседаниям этого Общества, на которых лейтмотивом идет лозунг: «Господа, со следующего заседания мы начнем переходить от слов к делу», не только запечатлели, быть может, виденное Романовым в прошлом, но и дали нам обобщенный емкий образ неизбывной русской любви к заседаниям, словопрениям, бессодержательным бурным дискуссиям, к провозглашению призывов, которые так и не претворяются в дела. И потому-то сегодня эти страницы читаются с особым интересом и звучат особенно актуально, хотя написаны шестьдесят с лишним лет назад и относятся совсем к другой эпохе.

В «Руси» много тонких наблюдений, относящихся к психологии человека, ищущего и не находящего себе место в жизни. Это Митенька Воейков. Многим критикам этот образ показался ничемным, его называли даже просто дурачком. А между тем Митенька Воейков — характернейший продукт переходной эпохи, ее представитель и в то же время тип личности, который можно обнаружить в любую эпоху, разумеется, в соответствующей модификации.

Некоторые критики также не принимали образ Валентина Елагина. Что это за герой? Неизвестно откуда взявшийся, на протяжении трех частей романа едущий на некое священное озеро Тургояк на Урале и так и не уехавший, живущий с баронессой Ниной Черкасской и устроивший себе восточный шатер в кабинете мужа баронессы, ведущий умные разговоры с внезапно приехавшим мужем — профессором и очаровывающий его, взбаламутивший всю округу, принятый всеми и никем не понятый, пьющий в бесконечных компаниях водку стаканами и не пьянеющий, со всеми соглашающийся и всех во всем поощряющий... Станный, удивительный тип, кого-то пугающий неведомой внутренней силой, кого-то притягивающий этой силой. Но сам... бесплодный. Тоже нечто вроде Митеньки Воейкова — не могущий найти своей внутренней силы. Романов понимает, что выхода из тупика, созданного для себя самим Валентином Елагиным, — ведь он ни во что не верит, относится ко всему со скепсисом, не видит никакого смысла в жизни и, уж конечно, в суете окружающих его мелких людишек, преследующих свои мелкие цели, — выхода из тупика для него нет, и потому в четвертой части без сожалений расстается со своим героем, который гибнет от вражеской бомбы на поле сражения...

Романов создает, в общем-то, объемную панораму жизни провинциальной России накануне войны и революции. И если претензии критиков к целому произведению (а оно, увы, не закончено) небезосновательны, то они должны в

меньшей степени быть отнесены к отдельным эпизодам, главам, страницам романа. И можно с полным правом сказать, что именно в них, в этих картинах живой жизни, — достоинство и ценность эпопеи.

Романов и сам сознавал несовершенство своего создания. И вместе с тем вера в себя, в свои творческие силы не покидала его, и это помогало ему впоследствии выдерживать и лихие наскоки критиков, и материальные лишения. В середине 20-х годов он делает запись: «Только теперь некоторые начинают понимать, что мною создано то, чего еще никто не создавал... Но как они мало знают, что зреет во мне. И «Русь» ведь только эпизод для меня, хотя Луначарский говорит, что никакого человеческого опыта не хватит на такую громаду, и спрашивает, откуда же она? Из меня. Не я часть Руси, а Русь часть меня. Только небольшая часть. Как ясно я это чувствую. Как хорошо жить, когда чувствуешь все время себя на вершок от земли. Непрестанная быстрая из сердца радость, бесконечная полнота и переполненность. Хочется на весь мир крикнуть: «Проснитесь, откройте яснее и радостнее глаза, идите ко мне. У меня есть столько, что хватит на всех».

Передо мной моя жизнь вся ясная, с необъятной задачей, божественно легко мною разрешающейся.

Я не пишу лирических излияний. Но это итог огромной полосы жизни. Это зрелый крик радости с достигнутой вершины.

Я проведу по миру такую борозду, которой не сотрет никто. Даже время».¹⁶

В конце жизни Романов под массивным натиском нормативной критики стал терять ориентиры. Он начинает перерабатывать «Русь», идя не от жизни, а от идеологических схем. По свидетельству А. И. Вьюркова, Романов говорил: «Вы читали мою «Русь». Думаю ее заново переработать. Не так ее надо было давать. Вот сейчас я засел за изучение истории империалистической войны, истории марксизма-ленинизма, и всё, что я написал в «Руси», подлежит коренной ломке. Многое я допустил в ней ошибочного, неправильного. Видите, сколько я прочитал, — показал он мне не грудку книг».¹⁷ Думается, если бы он довел работу до конца, то загубил бы и то, что им было написано ранее.

Дело было, конечно, не в идеологической концепции. Так, например, критик Г. Горбачев видел основной недостаток «Руси» «в слишком беглом изображении деревни, как безнадежно бездейственной, равнодушной ко всему, умеющей лишь праздно трепать языком да бестолково суетиться, собираться сделать горы работы, а на деле неспособной даже мостика починить».¹⁸ Тот же Горбачев признавал, что Романов создал в своей эпопее «ряд четко врезающихся в сознание живых фигур, достойных стать надгробными памятниками погибшему укладу жизни».¹⁹

Замедленная, часто перегруженная малозначащими сценами и персонажами, эпопея обнаруживала тот главный недостаток, который в свое время подметил Короленко в этюде «Суд», — несоответствие между содержанием и размерами произведения. И это несоответствие дает себя знать при всей убедительности многих образов и ситуаций, позволяющих читателю представить русское общество перед первой мировой войной.

Следует отметить, что в бурном непрекращавшемся потоке критики, обрушившемся на П. Романова, «Русь» пострадала меньше всего. Видимо, некоторых всё же останавливала масштабность книги. Так что, пожалуй, в отзывах на роман в прессе 20-х годов преобладали положительные оценки.